

ПИР НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

Пир на закате солнца

Серия «Детектив-триллер», книга 11

Серия «Расследования Екатерины

Петровской и К^о», книга 25

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73997997

Пир на закате солнца / Татьяна Степанова: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-248186-4

Аннотация

В госпитале творятся странные вещи. Сотрудница пресс-центра ГУВД Катя Петровская сама тому свидетель. И эпицентр этой страшной истории полковник Олег Приходько – Троянец, которого едва живого привезли восемь месяцев назад из Албании. Но у него уже ничего не спросишь, он мертв. Мало того, его труп загадочным образом исчез из морга... Катя вспомнила полоумную медсестру, потом мальчика с черешнями в больничном коридоре... Вспомнила слова его матери о том, что сына будто подменили после того, как они всей семьей навестили Олега Приходько. Генерал Москалев и полковник Приходько были друзьями, боевыми товарищами. Троянец... Странный псевдоним, сразу возникают ассоциации... Троянский конь: на

вид одно, внутри совсем другое. Этакий носитель, внедренный в иную среду, с особой начинкой из горя, хаоса, смерти... А все началось там, в горах Албании...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Степанова

Пир на закате солнца

*Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про
красную пиявку...*

Артур Конан Дойл «Пенсне в золотой оправе»

© Татьяна Степанова, 2026

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2026

Пролог

Документ 377-03. Приложение к материалам уголовного дела, возбужденного по факту пропажи без вести членов группы АФ. Документ изъят при осмотре номера (гостиница «Розафа», забронировано для сотрудников миссии согласно инструкции – Шкодер, Албания). Письмо старшего эксперта-криминалиста, сотрудницы следственной группы АФ при миссии международного наблюдения ООН Раисы Чистяковой (Raisy Chistyakovoy). Письмо датировано 3 октября 200... г., не отправлено. Адресат – подруга, проживает в Москве, по учетам USWR не проходит.

Натуся! Котенок!

Отсюда звонить – целая история, из отеля никаких денег не хватит, так что буду тебе писать, котенок, тем более что, кажется, мы тут застряли надолго. Летели из Черногории чартером, нормально все прошло. Часть наших летела через Вену с пересадкой, так у них была задержка почти на сутки – туман, аэропорт Шкодера не принимал.

Помнишь, ты говорила, что это будет похоже на Кавказ? Так вот на Кавказ это уж совсем никак не похоже. Хотя здесь, на севере Албании, кругом горы. Шкодер невозможно сравнить ни с одним знакомым нам городом. Умом понимаешь, что это вроде как Средиземноморье, а выглянешь в окно гостиницы – настоящий Горгорот (помнишь, у Толкиена?).

Архитектура чудная, дома облупленные, но те, которые красят, – размалевывают аляписто в синий, оранжевый, даже красный. И везде тучи пыли, она очень мелкая, кашель вызывает. У Митри – это наш сотрудник, больше того – начальник, очень славный и простой, без закидонов парень, – так вот у него аллергия на пыль, он, бедненький, просто пропадает тут. Мы стараемся его приободрить, мол, в горах ему станет гораздо легче, хотя никто из нас толком не знает, какие в Албании горы.

Наш отель в самом центре у городского рынка. Рынок здесь – главное место, в этом чувствуется влияние Турции, Востока. Ходили в первый же день с Олегом. Купить практически нечего – местная посуда да китайский ширпотреб, как раньше у нас на Черкизовском. Хотела тебе что-то оригинальное, самое-самое албанское в подарок, так и не нашла. Будем проезжать разные городки и деревеньки, поищу у местных умельцев, там скорее найдешь.

Тут вообще все, и стар и млад, торгуют – сидят на улице у перевернутых ящиков, а на них какая-то снедь, соленья, но я что-то опасаясь покупать: все день-деньской лежит на жаре, на солнцепеке. Осень здесь очень жаркая и сухая, что же, интересно, было летом, а?

Много домов строится, причем очень быстро, и машины мелькают иногда по улицам такие, что только диву даешься, что кто-то среди этой нищеты способен на таких вот ездить. Вчера видела новехонький «Феррари», стоял возле помойки,

драил его тряпкой какой-то тип в рваной футболке. А потом явился еще один тип – ну прямо персонаж фильма Кустурицы, сел за руль и отчалил.

Но Олегу, кажется, нравится тут больше, чем в Косове. Это, по его словам, полная дыра. Олег, он вообще-то ничего... Слушай, котенок, хочется мне о нем с тобой потрепать, да боюсь сглазить. Уже чуть-чуть больше, чем просто чисто служебные отношения. Хотя особо общаться некогда, работы очень много. Меня предупреждали перед поездкой, так что, видно, с «личным» придется подождать. К тому же Олег, он... по-моему, нравятся ему в основном свистушки, девочки, возраст у него сейчас как раз такой – для них. Однако...

Мы ведь вместе летели, ты знаешь. И потом тоже вечером, когда заселились в отель, он зашел ко мне. Да, котенок, конечно же, с бутылкой! Здоровый, нормальный мужик без комплексов. До сих пор вот так и не поняла – разведенный или холостой. На разведенного вроде не похож, но до тридцати семи лет прослужить в органах и не жениться? Ты же знаешь, у нас в системе все женятся, как болваны, ни свет ни заря.

В общем, провели вечерок. Он про Косово рассказывал. То-се, потом какие у вас глаза, Раечка... Затем я его вежливо выперла, хотя... Ах, котенок, теперь вот жалею, а вдруг и не повторится больше у нас такой вечер?

Я все о себе, а как ты? Как твои экзамены? Учиться в ме-

дицинском на вечернем, работать – Натуся, милая моя, на это одна ты способна, котенок мой пушистый.

На улице что-то орут. Язык совершенно понять невозможно, но молодежь по-английски шпарит вовсю. Ой, забыла тебе сказать – когда ехали позавчера с сотрудниками миссии мимо железной дороги, видела паровоз-«кукушку», представляешь? Как у нас в фильмах про войну: столб дыма, вагоны битком, даже на крыше едут. А на шоссе наш ооновский джип «мерсы» обгоняют. И как обгоняют – гудят, палец показывают.

В горах, куда едем, говорят, очень красиво. Хвойные леса, скалы, водопады. Но меня что-то все это не радует. Тяжело как-то, тревожно. Может быть, оттого, что читаю сейчас много по работе всего – документов, материалов. Какая страшная штука – война. Что с людьми делали! Убивали, пытали! А ведь все люди. У всех матери были, всех в детстве научить старались чему-то хорошему.

У нас тут в отеле на ресепшн стоит такой красавец портье, просто глазам больно. Под два метра, сероглазый, ключ тебе подает, словно вы на свидании – так и обжигает. Или это мне чудится от недостатка мужского внимания?

Мне еще кое-что чудится, котенок. Точнее, снится. Ночи здесь очень темные. Лежишь в кровати, тени на фоне штор, на потолке. Тени, трещины, как паутина... Эх, были бы тут магазины, прошлась бы, нахватала тряпок по дешевке, сумку бы купила, наконец, себе итальянскую, все бы как рукой

сразу – грусть, тоска, дрожь...

Очень хочется домой. Командировка за рубеж – это, конечно, неплохо, тем более в нынешней кризисной ситуации, все-таки платят прилично, но...

Котенок, пожелай мне удачи. Будет минутка вечером – подумай обо мне, и мне станет легче, спокойнее, как будто дом сразу ближе.

Ну все, целую тебя крепко. Пиши мне на адрес миссии, он у тебя есть. Пиши, как у тебя с «личным», как поживает твой заводделением – «доктор Борменталь» из госпиталя? Есть позитивные сдвиги в ваших отношениях или он все еще дичится тебя? По возможности позвоню, когда вернемся в Шкодер.

Твоя Рая.

3 октября 200... г.

Приграничный с Косовом район Северной Албании

Глава 1

Проклятые горы

– Не ждите, что вам кто-то станет помогать и оказывать добровольное содействие. Не забывайте: не так уж и давно во время «косовского противостояния» те места были, по сути, прифронтовой полосой. Отряд полевого командира Гезима Печа имел там постоянную базу. И хотя он погиб, по нашим данным, от рук своих же, но в глазах местного населения там, в горах, он настоящий герой, партизан. Так что любая попытка с вашей стороны очернить подозрением его героический мученический ореол чревата...

Тон майора КЕЙ ФОР Карлоса Баерза был сух и лишен эмоций. Его вызвали на инструктаж следственной группы АФ, он прилетел ночным рейсом из Приштины в Шкодер, но по лицу его было видно, что он относится к своим обязанностям без всякого энтузиазма.

Олег Приходько там, в номере отеля «Розафа», где проживали сотрудники следственной группы, майора КЕЙ ФОР, казалось, и не слушал. Слова Баерза всплыли в его памяти уже в машине. И вовсе не потому, что Баерз говорил что-то уж очень важное, полезное или представляющее исключительный интерес в оперативном плане. Просто он прилетел из Косова, где служил и работал. А это чертово Косово

все еще не отпускало Олега Приходько от себя.

Балканский драйв...

Помнится, в 99-м сама идея о том, что капитан милиции, простой российский опер из отдела по борьбе с кражами и угонами автотранспорта, без всяких связей, блата, может подать заявление, пройти комиссию при МВД и практически на три года отправиться на работу за границу в какие-то там международные полицейские силы охраны законности и правопорядка, – эта идея казалась утопией, сказкой. Но сказка в случае с Олегом Приходько стала былью. Он подал заявление, прошел комиссию и был командирован МВД в тот самый КЕЙ ФОР – в тогда еще действующее российское подразделение.

Три года балканского драйва... Кто-то из ребят пустил это словцо. Заграница представлялась землей обетованной. Балканский драйв оказался тем еще дерьмом. И это балканское дерьмо крепко прилипло к подошвам их солдатских шнурованных ботинок.

Не отодрать, не отмыть. Если ампутировать – то только с ногами, с душой...

Тучи черных птиц, кружащих в небе над черепичными крышами, над полями, – эта чисто косовская картинка часто вспоминалась Олегу Приходько, теперь уже полковнику МВД. Дрозды, галки, воронье, сбитое инстинктом в тугой черный галдящий смерч, – над лесом, над пашней, жирной, плодородной, удобренной прахом мертвых, человеческими

костями, навозом войны.

Спросить бы у этого Карлоса Баерза: как там они – все еще летают, галдят, гадят на крыши, жрут червей?

Вместо этого на инструктаже в номере отеля они рассматривали в ноутбуке карту района будущего выдвижения группы да слушали предостережения о настроениях местных. А кого, интересно, местные албанцы должны были поддерживать в том самом «косовском противостоянии» – сербов, что ли? Конечно, своих, конечно, косоваров.

Но одно дело поддержка и сочувствие, другое – соучастие в преступлении. Тем более таком, какое расследуют (точнее, пытаются со скрипом расследовать) члены группы АФ при международной миссии наблюдателей ООН.

Работа в группе АФ была второй по счету командировкой полковника милиции Олега Приходько на Балканы. На этот раз не в Косово, а в Албанию, в город Шкодер.

«Любая попытка очернить мученический героический ореол чревата...» – эти слова майора КЕЙ ФОР Приходько вспомнил уже в машине – белом джипе с лейблом ООН, который вроде бы сам по себе должен вызывать у албанцев положительную реакцию. «Любая попытка чревата...» – этого самого бородача Гезима Печа, кантовавшегося в горах с автоматом и ватагой бойцов, действительно на севере почитали как героя. Партизан, участник боев с сербской армией и все такое прочее. После публикации книги швейцарского прокурора Карлы дель Понте, где она прямо говорила о по-

хищениях сербских граждан с целью изъятия у них донорских органов и подпольной торговле таким вот «товаром», это имя всплыло вместе с другими именами албанских полевых командиров совсем уже в ином контексте.

В горах на севере на границе с Косовом располагались не только военные базы, но там же, по словам швейцарского прокурора, находились и места, где содержали похищенных людей. Сведения о «желтом доме» в горном селении, предоставленные прокурором, где проводились хирургические операции по изъятию у живых людей донорских почек, сердца, селезенки, печени, предназначенных для продажи в клиники и госпиталя, взорвали эфир, обошли все мировые информационные каналы.

«Желтый дом» был найден, осмотрен. Результатов по факту осмотра было получено ноль. Однако именно тогда при международной миссии наблюдателей и была образована специальная секретная следственная группа АФ, сотрудники которой вели поиск настоящих мест, где во время войны подобные операции по изъятию органов проводились. Где потрошили людей, где работали настоящие «мясники», где должны были остаться следы, улики, пригодные для идентификации, для предоставления в качестве доказательств в суде.

Кроме этих «мест крови» должны были быть найдены и тайные лагеря, где держали похищенных. А также кладбища, где хоронили убитых.

Одно такое «место крови», по оперативной информации, полученной полицией КЕИ ФОР, находилось в горах, в сорока минутах езды от границы с Косовом. Однако данные были расплывчаты, группе АФ предстояло их уточнить.

Но, как предупредил майор Баерз, на жителей окрестных деревень полагаться в этих поисках и уточнениях не приходилось.

Олег Приходько был к этому готов, ничего другого он, собственно, и не ожидал.

А вот у хорвата Митри Сокола, формально являвшегося старшим группы, это вызывало злость и досаду. Садясь в джип, он не скрывал своего мрачного настроения. Даже не улыбнулся привычно эксперту – криминалисту группы Рае Чистяковой. Она загрузила в багажник свою походную «лабораторию» – что-что, а техника была выдана группе перво-классная. Зато не было, увы, никакой охраны. Как объявили в миссии наблюдения – на автоматчиков просто не хватило средств, бюджет миссии и так был урезан наполовину в связи с мировым кризисом.

Митри Сокол и Олег Приходько получили от майора Баерза фамилию и адрес информатора КЕИ ФОР в селе Требиште, которое они должны были проезжать. Информатор был из сельской интеллигенции – учитель. Приходько, опытный в таких делах, предпочел бы, чтобы агент был кабатчиком – хозяином придорожного кафе, – эти типы знают много, а видят и подмечают еще больше. А какой информацией

мог располагать школьный учитель? Хорошо еще, что он по-английски болтает и на славянских языках тоже, а иначе всей его информации грош цена – ведь шкиптарского (то есть албанского) языка в группе все равно никто не понимает, кроме коренного албанца – водителя по имени Небойша.

Этому самому Небойше за сотрудничество полагался гонорар. Перед отъездом секретарь миссии наблюдателей вручил старшему группы Соколу тысячу долларов – это был бюджет на расходы группы: оплату работы водителя, оплату его же как переводчика с албанского в общении с местными жителями, оплату за бензин, за еду, за ночлег, если бы обстоятельства потребовали ночевки в сельской гостинице. Тысячу баксов работающий албанец из Шкодера мог скопить в лучшем случае за год ударного труда. В горах на севере убивали во время войны и за пятую часть этой суммы.

И при таком раскладе у миссии наблюдателей не хватило бюджета на конвой!

Балканский драйв...

Олег Приходько хлопнул дверью джипа, перехватил взгляд Раи Чистяковой. Соотечественница, боевая подружка... эх, мать моя женщина, и какого черта родное МВД посылает сюда в командировку баб?!

Считается, видимо, не такой уж и «горячей точкой» – не то что, например, Чечня, Кавказ. Как же – заграница... Курица не птица, Албания не заграница. Албания – это вообще и не страна даже, это образ мыслей, способ существования –

другой, настолько другой, что и представить трудно.

Албания...

Такого синего неба нет, наверное, нигде в мире.

И такой пыли на дорогах при прозрачности небес – тоже нет.

И такой вот музыки, что льется из магнитолы шофера Небойши – в три голоса, они то сливаются, то вдруг расходятся на верхах, то вновь звучат в унисон – мелодично, варварски, нежно и дико, – и все это вместе под аккомпанемент волынки-гайды, флейты-зурны и барабана.

Там, на скалистом холме над Шкодером, сторожит врагов средневековая крепость Розафа. На ее стенах четыре века назад били турецкие барабаны – до сих пор рассказывают в Шкодере: божественный ритм, неповторимое звучание им придавала человеческая кожа, содранная с пленных, высушенная, выдубленная на жарком солнце.

– Небойша, о чем поют? – спросила Рая Чистякова шофера.

Тот оглянулся, улыбнулся широко, потом посмотрел на Сокола, страдавшего аллергией на пыль, приглушил звук.

– Один раз живем.

– Об этом поют?

– Все вокруг умирает, только Балканы остаются. – Небойша улыбнулся еще шире. Его русский, а также сербскохорватский были вполне адекватны, по-английски же он в основном оперировал словом «fuck!».

Загрузились, уселись, тронулись. «Помогай бог!» – Митри Сокол, капитан уголовной полиции из Загреба, произносил это здесь, на улицах Шкодера, с разными интонациями – и как просьбу, и как команду «даешь!», и как приказ.

Улицы, улицы – город кончился быстро, точно декорации мгновенно переменили.

Рая Чистякова достала из сумки косметичку. Пудреница – солнечный зайчик заплясал по салону, слепящим пластырем лег на глаза.

– Олег Иванович...

– Что?

– Письмо.

– Какое еще письмо?

– Я подруге хотела отправить, думала, почту будем проезжать. Да вот в номере забыла, растяпа.

– Возвращаться – хуже нет дела, – объявил шофер Небойша.

– У вас тут тоже такая примета? – Рая Чистякова спрашивала шофера, а смотрела на Приходько.

– У нас тут в приметы не верят.

– А во что верят?

– В дурной глаз. В имена. В автомат «калаш», хорошо, когда есть он, все сразу просто. – Шофер Небойша явно кокетничал с экспертом-криминалистом группы АФ.

Молодость!

– А как это – в имена?

– Ну что не зря даются. Вот куда едем – Проклятые горы называются.

– Отчего же они Проклятые?

Голос Раи Чистяковой журчал как ручей. Ей хотелось поболтать. Олег Приходько подозревал, что ей хотелось поболтать именно с ним. Но он не ловился больше на эти наживки. Чесать языком – это все, что они умеют, эти самые боевые подруги, коллеги по службе. А как только заводишься сам, делают невинные глаза: что такое? Ты меня неправильно понял. Ведь сама же была не против того, чтобы он пришел к ней в номер. Сама же слушала, смеялась, глазами стреляла. А едва он проявил инициативу – сразу на попятный: завтра трудный день, нужна свежая голова, спасибо за приятный вечер, спокойной ночи.

Вот дрянь!

И не так уж она хороша. Блондинка... Подумаешь, крашеная. Или все-таки натуральная? Фигура аппетитная, говорила, что плаванием занимается, что у них с подругой в Москве абонемент в бассейн. Подруга якобы медик, на вечернем... А этот шоферюга-албанец так и пялится на нее, так и пяли...

– Данные абсолютно точные – в этих самых горах, в районе Крумского ущелья пропали сербские военнопленные и еще две женщины, этих привезли в Крум из Призрени, – сказал Митри Сокол Приходько. Данные, правда, были не первой свежести, еще времен военного конфликта, но предоставила их международной миссии хорватская разведка, у ко-

торой были свои надежные источники. – Одна из женщин была замужем за албанцем, казначеем в отряде Гезима Печа. И тем не менее она пропала – так же как и остальные. Станный факт.

– Ты говорил, они все были примерно одного возраста – около тридцати лет? – спросил Приходько. – Самый подходящий возраст для того, чтобы забрать у них органы, не находишь, Митри?

– В Крумском ущелье вроде как есть какая-то шахта. Там в первую очередь и надо искать останки. – Митри Сокол, закурив, опустил стекло джипа.

Навстречу мчались, грохоча по ухабам разбитого шоссе, машины, груженные помидорами. Справа и слева тянулись поля. На севере синели горы.

Осень – время урожая, время сбора плодов. Это весна – время любви.

– Олег Иванович... Олег...

Приходько обернулся к Рае Чистяковой. Когда-то в Косове у него было другое имя – Троянец: оперативный псевдоним, под которым он проходил в отчетах руководству, ставший его прозвищем. Считалось, что в нестабильной обстановке гражданского противостояния действовать под псевдонимом проще, чем под своей настоящей фамилией.

Троянец... Он уж и забыл...

Нет, как можно забыть? Эх, балканский драйв, балканский драйв! И вот он снова здесь под этим небом, только по

другую сторону гор.

И все-таки глаза у нее, у этой девахи, красивые. И улыбка светлая... Там, в горах, если повезет, будет у нее, бедной, много работы. Поиски образцов – следы крови, пригодный для исследования генетический материал, видеосъемка, фиксирование данных. Только вот что это будет за место? Дом? Больница? Участок леса, где когда-то располагался полевой госпиталь? По данным, которыми располагает группа, у тех, кто туда попадал, не было шанса выжить. Их тела, их органы представляли уже чисто коммерческую ценность. Их потрошили, вырезая все, что можно было продать в качестве донорских органов. В том «желтом доме», про который писала швейцарская прокурорша дель Понте, было организовано что-то вроде «отделения полевой хирургии». А сколько таких мест было еще здесь во время войны?

– Олег, мы по пути где-нибудь остановимся? – спросила Рая Чистякова. – В каком-нибудь городке, где есть базар?

– В Требиште остановимся.

В этом горном селе следовало встретиться с агентом и получить информацию, если таковая у него имелась (в это Приходько-Троянец особо не верил).

– Хочу подружке Наташе купить какую-нибудь вещь чисто албанскую, – делилась Рая уже с Соколом, – сувенир на память.

Грузовики, грузовики навстречу. Длинные фуры с ящиками слив, яблок, абрикосов. Ржавые ангары автомоек

со странной вывеской «lavash» аршинными буквами. И вдруг справа на склоне – точно нарост, старый бетонный дзот с поросшими кустарником стенами – когда-то убежище, а теперь просто придорожная уборная.

Если бы могла душа отделиться от тела, воспарить ввысь и оттуда, сверху, взглянуть на эту картину – лента шкодерского шоссе, рассекающая поля, теряющаяся там впереди в лесу, снова выныривающая из чащи, вьющаяся серпантинном все выше и выше в горы... И на этой серой растрескавшейся ленте – новенький белый джип с синим ооновским лейблом – такой быстрый, такой мощный, напичканный под завязку современным оборудованием, новейшими системами навигации и прочей электроникой и все равно неотвратимо и фатально мчащийся в никуда. Уже почти готовый пересечь невидимую границу.

Но они не знали ничего о том, что их ждет.

Осень – это время урожая. Пора фура, груженых помидорами.

В помидорном царстве как-то вообще не думается о смерти.

И о том, что еще страшнее.

Горы сначала стали просто ближе, а потом окружили, нависли, стиснули со всех сторон. И эта смена декораций опять-таки произошла практически мгновенно. Буковый лес, сосны. Ярко-желтые пятна среди зелени, палая листва. Все вверх и вверх, к горному перевалу. Бурые чере-

пичные крыши какого-то городка и минарет мечети. Поворот – петля серпантина и...

– Черт, что за знак такой? – не удержался Приходько, ибо на синем дорожном треугольнике был намалеван... бегемот.

Бегемот в албанских горах?! Нарисованный, как лось на таком же вот синем треугольнике где-нибудь у нас под Тверью.

– А, это с войны, – отмахнулся шофер Небойша. – Граница рядом. КЕЙ ФОР карту дорог делали, поставили свои знаки.

– Для удобства обозначения: поселок «льва», поворот «бегемота», – пояснил Сокол. – Тут на границе батальон из Южной Африки стоял на демаркации. Там, на севере, сербская армия, тут, в горах, банда Печа.

– Отряд, – тихо, однако настойчиво поправил шофер Небойша.

– Отряд, – Сокол многозначительно глянул на Приходько: слышал? – А посредине силы КЕЙ ФОР, которые даже не утруждали себя албанской топографией.

– Ой, смотрите, это же водопад, вон там – какая прелесть! – воскликнула Рая Чистякова.

Ручей, низвергающийся с утеса, бурлящий, пенящийся по гальке.

Синева.

Тени от деревьев.

– Нравится тут? – спросил Небойша Чистякову.

– Да, очень красиво. Я думала, будет как Крым. Но это не Крым.

– Шен Кол место называется.

– Здорово. Красиво.

– Святой Кол.

– То есть... как это понять?

Приходько, до этого пропускавший их треп, прислушался. Станный какой тон у шофера. А вообще, что мы, группа АФ, знаем об этом парне? Работает на миссию, жаден до денег, лихой водила. И это практически все, что о нем известно.

– Ну делали такое. – Небойша бросил руль, показал руками сначала «длинное», потом, что строгают. – Брали в лесу ствол крепкий – бук и делали ему острый конец. Очень острый, чтобы насквозь проходил, как меч. У нас был шофер с этих мест – он рассказывал. Всегда здесь так делали, в старину – не сейчас, конечно. Делали кол. Там где-то дальше церковь была. Старая, от папы римского, еще при турках монахи приходили, строили. Так вот несли туда освящать. Получался святой кол, крепче железа. Себя так спасали.

– От кого спасали? – спросила Рая.

– Сказки, – усмехнулся Небойша. – Тут в этих горах...

Боялись...

– Кого боялись-то? Гезима Печа вашего? – не выдержал

Приходько.

– Сказки, – повторил шофер уже без улыбки. – Знаешь,

русский... ты ведь за сербов тогда во время войны стоял, я знаю... Мое дело сторона, я работаю, деньги коплю, в Америку уеду отсюда, хочу уехать. Только знаешь, русский, люди здесь в этих местах и до войны пропадали. Не веришь мне – спроси там, в Требиште, они подтвердят.

– По какой же причине пропадали люди?

– Не знаю. Знаю лишь, что у нас так просто место проклятым, а вещь святой не назовут.

– Вон село, мы подъезжаем, – сказал Сокол.

Дома на склоне горы и мечеть Требиште было видно издали, однако ехали еще примерно четверть часа. Облупленные домишки под черепичными крышами ползли вверх по горе уступами среди зелени и серых камней. Разбитая, выложенная булыжником улица вводила к рыночной площади. Джип свернул на сельскую улицу и сразу же застрял в стаде коз и овец, их куда-то гнали бородатые угрюмые мужики в брезентовых плащах. Шофер Небойша тут же вступил с ними в жаркую перепалку, но это помогло мало. Стадо шло своим путем, обтекая джип с обеих сторон, бляя, никуда не торопясь. На противоположной стороне улицы в пробке застряли два мотороллера – их водители, совсем молодые парни, тоже что-то орали пастухам.

Никого, кроме коз, пастухов и мотоциклистов, не было видно. Требиште выглядело пустым, практически безлюдным.

Приходько спросил Сокола: что, поедем прямо к школе,

вызовем учителя? Вроде это вообще против всяких правил работы с агентурой. Решать оперативные вопросы в чужой стране через переводчика – с таким стилем работы трудно было смириться. Но ничего другого не оставалось. Агент КЕЙ ФОР, этот самый учитель... как там его... какой-нибудь очередной Корча или Дроча (к албанским именам Приходько никак не мог привыкнуть)... Учителя звали Лека и, судя по времени – три часа пополудни, он должен был быть еще в школе на уроках.

Но Сокол, который сам родился на Балканах и знал толк в таких делах, приказал остановиться на площади возле кафе. Оно располагалось в покосившейся мазанке дверь в дверь с продуктовой лавкой. Пахло шаурмой, кофе и чем-то пригоревшим. У дверей за колченогими столиками сидели старики. За стойкой царил усатый, как таракан, хозяин в кожаном жилете. Под потолком работал телевизор, а на стене висели портреты матери Терезы (албанки по рождению), красавца короля Зога Первого и президента Буша-старшего.

Шофер Небойша крикнул хозяину что-то типа: принимай гостей, шевелись. Потом показал Рае Чистяковой замызганную дверь: тут, мол, туалет, если надо. Откуда-то вынырнули две тетki в черном и засуетились, вытирая столы и разгоняя мух, – джип с синими буквами ООН произвел впечатление в Требиште, где все решили, что приехали американцы.

Не успели глазом моргнуть, как, запыхавшись, в кафе влетел долговязый очкарик в сильно поношенной тройке, сши-

той по моде 80-х. Приходько вспомнил фото, показанное майором КЕЙ ФОР, – ба, да это же наш агент Лека! Сам явился. Вызывать на стрелку даже не пришлось. Вот это да! На виду у всех, в кафе – стучать, никого не боясь, не стесняясь.

– Кофе по-турецки? – спросил Сокол.

– У меня давление, премного благодарен, господа, я выпью стакан молока.

Если это можно было назвать паролем и отзывом... Медленный с запинкой инглиш. В кафе все благоговейно замолкли.

– Пожалуйста, присядем. – Приходько кивнул на столик снаружи под линиялым навесом. – Ждали нас?

Учитель Лека пожал плечами. Снаружи беседовать было как-то спокойнее, да и легче дышалось. Подошла, вытирая руки бумажной салфеткой, Рая Чистякова. Учитель вежливо поклонился ей. Он производил довольно приятное впечатление: этакий интеллигент-просветитель, внешне очень похожий на Ибрагима Ругову.

– Так вы ждали нас? – спросил Приходько.

– Как сказать. Мне сообщили – приедут.

– Вам сообщили, что конкретно нас интересует?

– В общих чертах.

– Почему жителей совсем не видно? – спросила Рая Чистякова по-русски. – Спросите у него.

– Женщина – ваш сотрудник или жена? – в свою очередь,

поинтересовался агент.

– Сотрудник, можете говорить совершенно свободно. Из отряда Гезима Печа в селе сейчас кто-то есть?

– Много людей. Вас интересует Печ? Его убили три года назад.

– Мы знаем, мы хотели бы...

– Во-он тот дом напротив. Гнездо аиста на дереве. Видите на пороге женщина в черном? Это мать Ильяса, который и застрелил Печа – дал очередь из автомата. Он пробрался к нему в дом. Это произошло не здесь, а на приморской вилле, Печ разбогател, купил себе дом на море.

– Он сделал себе состояние на похищениях людей и торговле донорскими органами, – перебил Сокол.

– Ильяс сейчас, по слухам, в Америке, боится кровной мести, хотя у Печа не было родственников, которые могут отомстить, – продолжал агент, словно не слыша. – Это дело прошлое.

– Когда Печ был жив, сюда в село привозили людей из Косова?

– Никогда, что вы! Я живу тут всю жизнь.

– Вы что преподаете? – спросил Приходько.

– Литературу, наш родной язык, немного английский, чтобы наши дети могли приобщиться к...

– А вам известно, что по международным законам похищение людей с целью изъятия у них донорских органов – тягчайшее преступление, которое не имеет срока давности?

– Какая, собственно, информация вам необходима?

«Если даже агент, которому кейфоровцы доллары платят, так виляет, не идет на контакт, – подумал Приходько, – то что уж говорить о других? Они все тут горой друг за друга – соплеменники, объединенные клановой поруккой».

– Конкретный факт, подтвержденный нашими военными источниками: пропажа в Крумском ущелье сербских военнопленных, доставленных через границу, а также двух женщин, – вмешался Сокол, начинающий терять терпение. – Крумское ущелье отсюда всего в нескольких километрах. Мы расследуем этот конкретный факт. Мы подозреваем, что...

– Простите, судя по выговору, вы хорват?

– Я майор загребской уголовной полиции и в настоящее время сотрудник международной следственной комиссии, – повысил голос Сокол. – Ваш Печ – садист и убийца, у него руки по локоть были в крови.

– Он когда-то учился в нашей школе. А Ильяс, который его убил, был моим учеником. – Лека снял очки, протер их полкой пиджака. – По Крумскому ущелью у меня нет информации. Наши туда не ходят. Давно не ходят.

– Там вроде бы есть какая-то шахта. Возможно, тела пленных были спрятаны там. – Сокол явно верил данным своей хорватской разведки. – Если операции по изъятию органов проводились не здесь, в Требиште...

Учитель испуганно замахал руками.

– Если не здесь, то, значит, где-то поблизости от Крума. Там есть населенные пункты?

– Нет.

– Может быть, там был полевой госпиталь?

– Никакого госпиталя, никакого жилья. Туда даже пастухи стада не гоняют вот уже сколько лет.

– Потому что там была база отряда Гезима Печа?

– Он был родом из нашего села – Гезим и почти все его бойцы тоже были местные. Они воевали в Косове. В перерывах между боями возвращались сюда. Но никогда бы они не сделали базу для отряда в Круме!

– Почему?!

– Олег, что они так кричат? – тихо спросила Рая Чистякова у Приходько, который тоже, несмотря на весь свой косовский опыт, уже здорово плавал в их громком сербскохорватском.

– Почему? – повторил Сокол. – Вы уклоняетесь от ответа. Вы обязаны помогать нам в расследовании. А вы...

– Это место – Крум... туда никто не ходит, не ездит вот уже много лет, много десятков лет. Даже при коммунистах так было: и раньше тоже. Я объясняю вам. Печ не мог никого привезти туда из Косова. Он и его бойцы в Крум не совались.

– Что он говорит? – не унималась Рая Чистякова.

– Говорит, что Крумское ущелье для местных что-то вроде запретной зоны, – пояснил Приходько.

– Это туда, куда мы едем?

– Да.

– А как он это объясняет?

– Подожди, Рая... Вы, Лека, должны сказать нам правду.

Причем так, чтобы мы поняли.

– Иностранцы не понимают, албанец понимает такие вещи с полуслова.

– Какие вещи?

– Дурная земля. Даже не земля, а... – тут агент произнес какое-то слово по-албански: странное сочетание шипящих звуков. – Это *их* место. Живым там делать нечего, иначе беда. И дело даже не в вере, не в традиции, это здесь просто не обсуждается. Об этом вслух не говорят.

– Ничего не понимаю. – Сокол закурил. – Традиции, не обсуждается... Совершены тяжкие преступления, военные преступления, а вы – наш сотрудник и, по сути, укрываете...

– Я никого не укрываю. Я честно пытаюсь оказать вам содействие. Я утверждаю, что никаких военнопленных в Крум бойцы Печа привезти не могли.

– У нас точные данные. Люди пропали, погибли. Мы собираемся это проверить там, на месте.

– Я не спорю: кто-то из этих несчастных мог встретить свою смерть... там. Но вам не следует туда ездить, – тихо сказал учитель.

– Мы поедem в Крум, а вы поедете с нами.

– Нет. Ни за что.

– Мы доложим руководству, что вы отказались, – сказал

Приходько.

– Я... я не могу. Если я поеду... даже если я вернусь, я буду вынужден уехать из села, все бросить. Я стану изгоем здесь.

– Но почему? Вы же взрослый образованный человек. Объясните нам.

– Вы иностранцы. Иностранцам это сложно объяснить. Видите во-он тот дом, там, наверху?

Приходько поднял глаза – мощенная булыжником улица, велосипедист, столбы с провисшими проводами, веревки с бельем, которое полощет ветер, и дальше над всем этим горы, а над их вершинами – то ли туман, то ли облака. Еще четверть часа назад небо было чистым и ясным, и вот уже что-то натянуло с севера. Какую-то муть.

– Кажется, дождь собирается, – жизнерадостным тоном Пятачка оповестила Рая Чистякова.

Она отчаянно скучала, не понимая ни слова. Пила свой кофе, благоразумно отказавшись от жирной подозрительно-го вида шаурмы. Грызла печенье из выданного сухого пайка. Она была разочарована: что в Требиште не оказалось базара, никаких поделок для туристов – ничего, что можно было бы привезти в качестве албанского сувенира.

Дом, на который указывал агент, был высоко – развалюха с проваленной крышей, с зияющими дырами окон.

– Его давно бы сожгли, но боятся, что пожар пойдет вниз, трудно тушить и пострадает все село.

Подошел хозяин кафе, что-то спросил.

– Не желаете пообедать? Он поджарит виршлу на углях, это колбаса, очень вкусно, я советую, – усмехнулся учитель Лека. – У него и ракия найдется. Все лучше, чем ехать туда. – Он жестом задержал хозяина кафе, показал на дом-развалюху. – Мне сорок, я помню тех, кто жил в том доме. ОН... он был старше нас... В семьдесят втором это было... да, точно... в семьдесят втором, ему тогда было двенадцать... У него было прозвище смешное Карамель, он любил сладкое...

«Кто знает, чем была Албания в 72-м? Наглухо закупоренная от внешнего мира страна. Мы ее, кажется, в школе по географии даже не проходили, – подумал Приходько. – Вроде и нет такой страны совсем».

– Его отец был партийный, возглавлял ячейку, у них в семье было много детей – кроме старшего по прозвищу Карамель, еще пять сестер и совсем маленький братишка – трехлетний. Всего семеро. Их мать умерла родами. Их всех считали детьми албанского народа, потому что отцу было некогда с ними возиться, он вечно был в разъездах, выступал на собраниях. Однажды он приехал из Шкодера и объявил, что организует в Крумском ущелье кооператив – животноводческий, кажется. – Учитель Лека покашлял в кулак. – Я сам этого, конечно, не помню, мал был, слышал потом. Эта история... о ней тут у нас не забывают. Ему говорили – старики говорили, что Крум – плохое место, что скот там не выживет, но он ничего не хотел слушать. Упрямый был человек.

Местные все наотрез отказались, тогда он привез наемных рабочих, пастухов из аромунской¹ общины – откуда-то из долины. Было лето, каникулы, и он послал туда и Карамель... Я его хорошо помню, хотя и мал был. – Он обратился к хозяину кафе, и тот тоже кивнул – нехотя. – Вот он тоже помнит, он и Карамель были ровесники. Карамель находился в Круме около недели, считалось что это что-то вроде производственной практики. Что там было – я не знаю, никто из наших не знает. И куда делись пастухи-аромуны, тоже неизвестно. Тут у нас в селе потом было много полиции, когда ЭТО началось...

– Покороче, нам пора ехать, – нетерпеливо перебил Сокол. – Вон какие тучи, только грозы еще нам не хватало.

– Пожалуйста, выслушайте до конца, иначе я никогда не прощу себе, что не сумел отговорить, удержать вас, – тон агента изменился. – Что там случилось с ними со всеми в этом Круме, неизвестно. Скот, который туда пригнали, потом видели в разных местах – овец, коров... Через неделю Карамель появился в селе. Среди бела дня он шел по этой вот улице к себе домой. А там были только маленькие сестры и трехлетний братишка. Он зашел в дом, потом соседи услышали крики. Кричал ребенок, жутко кричал... Соседи выбили дверь. Карамель... он был там, в комнате. А его брат – он был у него. Карамель вцепился в него, как в свою добычу, – изорвал ему все лицо, откусил нос. Когда соседи во-

¹ Аромуны – народ, проживающий в Албании.

рвались, он не перестал терзать его, как волк, как бешеная собака. Прибежал полицейский, прибежал начальник отряда самообороны – вот его отец, – учитель снова кивнул на хозяина кафе, – они пытались с ним справиться, связать его, но куда там – он вырвался и убежал. Его искали... Перестали искать после того, как из больницы пропало тело его трехлетнего брата...

– Как это пропало? – спросил Приходько.

– Пропало. А потом одна за другой в течение нескольких ночей пропали и все девочки, сестры. Их хотели отвезти в Шкодер, но не успели.

– А их отец, этот партийный деятель?

– Он вернулся из города, когда все уже было кончено. Он понял, что он натворил. Что люди не простят такого. Он застрелился из ружья. Знаете, для него это был самый лучший выход. Иначе бы он тоже, как они...

– Что тоже? – Приходько встал. – Слушайте, я напишу рапорт майору Баерзу о том, как вы выполняете свои обязанности перед КЕИ ФОР.

– Вот он, – агент ткнул в хозяина кафе, – видел их. Он расскажет вам.

– Ну? – Приходько смерил хозяина кафе взглядом.

Короткий переговор по-албански.

– За деньги расскажет. – Учитель кашлянул. – Десять долларов достаточно.

Сокол с грохотом отодвинул стул. На его смуглом лице

было написано: все, с меня хватит этой комедии! Но Приходько решил выдержать до конца. Не то чтобы ему было интересно (он давно вышел из возраста, когда интересуется *вот такое*), не то чтобы оперативный опыт ему подсказывал – стоит, стоит послушать, а так... просто так. Это было что-то похожее на импульс, только вот он не понял – внутренний или внешний. Он достал из бумажника купюру и протянул ее хозяину кафе.

Тот вернулся к стойке, принес бутылку ракии, стаканы, налил всем, выпил сам. Голос у него был хриплый. Учитель Лека переводил:

– Это произошло через два месяца поздней осенью. Здесь, в селе, были мобилизованы все мужчины в отряд самообороны. Его взял с собой отец на ночное дежурство, он был старший отряда. Они ехали верхом. Было не так уж и поздно, хотя осенью рано темнеет. Они услышали рев скота и увидели у дороги несколько коров – из тех, что когда-то пригнали в Крум на пастбище. Коровы были все в мыле и мычали... А потом они с отцом увидели... Одним словом, на коров шла охота – там, в горах. Только охотились не волки, не шакалы, а... Их была целая стая. Он говорит, одна тварь на его глазах вспрыгнула корове на холку и впилась в шею, они повалили свою добычу в траву и начали пожирать живьем, растаскивая по траве кишки. Он говорит, отец заорал не своим голосом «Беги!» и хлестнул его коня плеткой. Тогда, в 72-м, здесь не было машин, только быстрый конь мог спасти...

– Детально опишите нашему водителю маршрут до Крума. – Приходько жестом оборвал обоих.

– Он говорит, их было семеро там в этой стае. Он даже кое-кого узнал, хотя ИХ уже было трудно узнать, очень трудно! – учитель Лека встал. – Я прошу вас. Вы не понимаете. Будет большая беда, если вы...

– Все собираемся и к машине. – Приходько кивнул Рае Чистяковой.

– Что они вам сказали? Почему у них такие лица? – Она вдруг не на шутку встревожилась. – Олег, ты... Митри... – Она обернулась к Соколу.

– Ничего, все пустое, – ответил тот. – Они просто не хотят, чтобы мы ехали в Крум. Боятся, что мы там обнаружим доказательства того, чем они тут все занимались во время войны, служа в банде этого мясника Печа.

В машине он продолжил свою мысль:

– Этот учитель не отрицает, что в селе много бывших бойцов отряда. Если мы что-то найдем в Круме, местная албанская полиция и прокуратура не смогут оставаться в стороне, начнется расследование, их всех потянут к ответу. Печ мертв, с него уже не спросишь, спросят с них – кто был в отряде, кто охранял пленных, кто транспортировал их, кто потом хоронил, прятал тела.

Приходько в этот момент увидел, как агент Лека подошел к шоферу Небойше и начал что-то сбивчиво и страстно ему втолковывать. Небойша вернулся за руль.

– Говорят, туда нет дороги, – сказал он после паузы.

– Туда есть дорога, пусть они не лгут.

Рая Чистякова достала ноутбук и открыла карту Google, увеличила, нашла снимки со спутника. Они сравнили со своей собственной картой.

– Получается, что, по официальным данным, Крум – это территория национального природного заказника, – сообщила Рая.

– А по нашим данным, это район базирования отряда Печа и место, где, возможно, проводились операции по изъятию донорских органов. – Сокол «перелистал» снимки со спутника.

Небойша обернулся к нему и вдруг что-то быстро, нервно произнес по-албански. Какое-то странное словосочетание почти целиком из шипящих.

– Замолчи, – отмахнулся Сокол. – Тебе самому-то не смешно?

– Чего это он? – нахмурился Приходько. Небойша, их переводчик, никогда не позволял себе такого.

– Говорит, что к нему обращался учитель, умолял повернуть назад. Он, мол, свой, должен понять, – Сокол поморщился, – про какую-то пиявку...

– Пиявку?

– Ну, пиявка, ириг по-нашему... черт знает что...

– Учитель сказал, это как зараза. Хуже чем вирус. И человека уже не существует. Слушайте, я хочу получить деньги

за поездку, – выдал Небойша.

– Сейчас?

– Говорят – туда ехать опасно. Заплатите мне вперед, хотя бы за половину пути.

Приходько, удержав Сокола, уже готового взорваться, сунул Небойше деньги – на, подавись. Не хватало только собачиться сейчас между собой.

– И все же, что случилось? О чем речь идет? Вы скрываете от меня – это нечестно. – Рая Чистякова нахмурилась. – А по-моему, вид у этого учителя был искренний.

– Нет времени пересказывать все эти глупости, – отмахнулся Сокол. – Знаете, коллега, после войны мы все здесь так мечтали жить в объединенной Европе, без границ. А теперь меня это объединение, этот «микст» что-то пугает. Какие преступления стали совершаться, я в полиции уже пятнадцать лет служу – ничего подобного раньше... Что они нам рассказали... Чушь собачью! Даже соврать не смогли правдоподобно, чтобы выгородить своих сельчан. Пиявка... Уриг... Это ж каменный век, Средневековье. Они до сих пор тут, в этих горах, живут по средневековому укладу. Когда здесь невеста замуж выходит, ее родня в качестве подарка жениху пулю дает. Чтоб было чем прикончить в случае ее измены, чтобы на патрон не расходоваться. А их кровная месть? Это дикий обычай. А их...

– Лучше бы к здешнему мулле заехали, – прервал его Приходько. – Право, было бы больше пользы.

Село Требиште давно исчезло за поворотом дороги. Но что-то осталось... Отголосок, эхо...

Тени стали длиннее, солнце садилось в тучу, похожую на гигантский дирижабль.

– Тут дожди если зарядят, то надолго, – сказал шофер Небойша.

Горная дорога, линия электропередачи, столб с указателем. И – черный «Мерседес», взявшийся словно ниоткуда, а за ним еще один – мимо, мимо. Какой-то местный набоб – чиновник или военный с охраной – на большой скорости с гор в направлении Шкодера. И снова столбы, столбы с указателями, эти вехи цивилизации.

И вдруг дорога, поднимавшаяся все выше, перевалив через гряду, пошла вниз, и возник перекресток. Направо уводило хоть и разбитое, но асфальтированное шоссе, туда же шла и высоковольтная линия. Налево змеилась ухабистая поросшая травой грунтовка. Видно было сразу, что по ней ездили мало.

– Сворачивай, – приказал Сокол, сверившись с картой.

Свернули налево и через два километра въехали в буковый лес. Лучи заходящего солнца сквозь кроны, тронутые желтизной. Небойша прибавил газа, то и дело поглядывая на навигатор. Дорога шла вниз. Приходько высунулся наружу и понял, что они уже едут по ущелью – буковый лес густо покрывал склоны, потом он поредел, и дорога ушла в туннель, пробитый в толще известняка, – очень короткий тун-

нель, похожий на въездные ворота. Выехав из этих «ворот», они увидели что-то непонятное.

В склоне горы, как рана, зияли развалины. Это была старая церковь, высеченная прямо в известняке, – обвалившийся купол и маленький зал, похожий на открытую всем ветрам, всем дождям пещеру. У обочины дороги были разбросаны крупные валуны. Джип остановился – они все вышли. Валуны были нагромождены не просто кучей, складывалось впечатление, что когда-то очень давно они перегораживали дорогу, как стена. Тут же был навален грудой и еще какой-то мусор. Приходько увидел старые автомобильные покрышки, сложенные вперемешку со сгнившим валежником и бревнами. Если скопище валунов было похоже на рукотворный барьер, то кучи покрышек и дров очень напоминали... кострища, которые кто-то подготовил, чтобы поджечь.

Приходько нагнулся и вытащил из мусора ржавую канистру. Она еще хранила запах бензина.

– Знаете на что это похоже? – сказала Рая Чистякова. – На рубеж обороны.

Они вошли в разрушенную церковь. Стены были густо замазаны черным. Возможно, тут когда-то были фрески, а может, и нет.

– Известняк. Тут в горах его раньше добывали, – сказал Сокол, дотрагиваясь до камня. – Значит, поблизости находится шахта или штольня. Надо узнать у кого-то из местных, не может такого быть, чтобы тут совсем никто не жил.

Мотор джипа нарушил тишину. Шофер Небойша включил магнитолау, даже громкость прибавил: бормотание какой-то далекой радиостанции, помехи, обрывок музыки – рок-н-ролл, снова помехи, щелчки, шипение, потом голоса, поющие албанскую песню, – волынка-гайда, флейта-зурна, барабан. И как будто это та же самая песня или все здешние песни похожи друг на друга? Один голос, два голоса, три-семь голосов, то сливающихся, то расходящихся октавой.

Налетел порыв ветра, и где-то там, за горой, глухо и пока еще невнятно заурчал гром. Радио умолкло. Солнечный свет стал оранжево-тусклым. Он не померк, не погас, он как-то тихо умирал, сочась сквозь листву – обтекая стволы, обволакивая ветви, делая все ясно видимым, четким, почти осязаемым и одновременно нереальным.

Это Олег Приходько по прозвищу Троянец помнил очень хорошо и очень долго – потом.

Оранжевость, яркость, распадающаяся на отдельные пятна. По лобовому стеклу и по крыше джипа забарабанили капли. Все быстрее, все громче, все чаще. И вот уже дробь превратилась в ливень. Гром прогремел ближе, но по-прежнему мягко. И молнии никакой не было перед этим – они не заметили молнии. Их взгляды приковало другое.

Облупленные домишки под черепичными крышами ползли вверх уступами по склону горы среди зелени и серых камней. Разбитая, выложенная булыжником улица уводила к рыночной площади. На самом верху – развалюха с проваленной

крышей и зияющими дырами окон – и все это сквозь струи дождя, сквозь мокрую мглу, которую хотелось раздвинуть руками, откинуть прочь, чтобы убедиться... что это действительно существует – здесь. И там – в Требиште, которое они покинули... Или только здесь... Пропитанная дождем прозрачная копия, слайд, вмонтированный в пейзаж, обман зрения?

Словно и не было никакой дороги в Крум...

Только вот не хватало кое-каких деталей в этой *копии*. Не было минарета мечети. И гнезда аиста на высоком дереве тоже не было. Там, среди сучьев, промелькнула какая-то косматая тень – точно кто-то сидел в дозоре...

Шум дождя...

Шорох шин...

Джип остановился. Включенные дворники еле справлялись с потоками воды. Сквозь лобовое стекло они увидели...
– Иншалла! – прошептал Небойша.

Вбитый в булыжную мостовую кол, почерневший от крови. Человеческий череп на его острие.

С грохотом вылетело лобовое стекло.

В шуме ливня, в мутной хляби, в реве ветра выстрелы прозвучали как беспомощные хлопки. И оборвались. Их никто не услышал. Чуть дальше слышны были крики – особенно женский, пронзительный, страшный, вибрирующий от боли.

Ливень впитал и его, как губка.

Впитал, заглушил *все*.

А потом смыл следы, не оставляя доказательств.

Глава 2

Балканский циклон

Восемь месяцев спустя. Москва.

– «В столичном регионе теплая и сухая погода, установившаяся здесь в середине мая, сменится обильными осадками и усилением ветра. Их принес с собой мощный балканский циклон...»

Катя Петровская, капитан милиции, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, приглушила звук телевизора: прогноз погоды – это все, что она хотела узнать.

– Если польет дождь, авторалли отменят, – сказал ее шеф. – Ну не совсем, а перенесут, гаишники перед зрителями блеснуть жаждут экстримом, ради этого гонки и затеваются, а в дождь народ не соберется. И какой тогда смысл гонять – самолюбие тешить? А мы на это ралли уже три телеканала пригласили. И все коту под хвост из-за какого-то балканского циклона... черти принесли...

Катя лишь пожала плечами. А я что могу? Тема погоды в последнее время как-то уж часто, слишком часто стала всплывать в ее жизни. О погоде, например, постоянно бубнил по телефону ее муж – Вадим Кравченко, именуемый на

домашнем жаргоне «Драгоценным В.А.». Видимо, когда не особо есть о чем говорить, погода и все, что с ней связано, – настоящая палочка-выручалочка. «Здесь похолодало». – «А ты плащ не взял». «Тут жара несусветная». – «Смотри не сгори на солнце». В последние месяцы их домашние разговоры звучали именно так. Драгоценный в качестве начальника личной охраны сопровождал своего работодателя Чугунова, который в связи с преклонным возрастом, ухудшением здоровья, а также свалившимся так некстати глобальным экономическим кризисом приостановил свои дела и отправился лечиться в Европу. Сначала были клиники Германии, неудачная операция, потом клиника под Парижем, восстановительный курс в Ницце. Затем Индия – какой-то раскрученный ашрам в Симле. И вот снова Германия – анализы, исследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.